

DOI: 10.31857/S013038640021037-8

© 2022 г. А.В. ГЛАДЫШЕВ

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ БЕЗ ИСТОРИИ СРАЖЕНИЙ

Гладышев Андрей Владимирович — доктор исторических наук, доцент Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия).

E-mail: gladav2002@mail.ru

*Scopus Author ID: 57194947557; ORCID: 0000-0001-6935-3048; Researcher ID: D-6297-2013
Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00113).*

Аннотация. Становление военно-исторической антропологии как самостоятельного направления в историографии изменило традиционный образ войны. На место истории стратегических планов операций, сражений, маршалов и генералов, подсчета потерь пришла история повседневной жизни солдат, фронтового быта, эмоций втянутых в конфликт гражданских лиц и военных. «Человеческое измерение» войны стало актуальной темой, о чем свидетельствуют публикации последних двух десятилетий российских и зарубежных исследователей по истории революционных и наполеоновских войн. Пример тому — недавно изданная книга профессора из Йорка Алана Форреста «За кромкой поля боя. Жизнь военных во времена Революционных и Наполеоновских войн». Эта работа, как в свое время галерея арт-нуво, своеобразная коллекция образцов новых подходов и постановок проблемы в области военной истории. Войны эпохи Революции и Империи рассматриваются как первый в современной истории опыт «тотальной войны», затронувшей все слои общества и послужившей катализатором для процессов национальной самоидентификации. Такой подход позволяет ответить на ряд новых в военной истории вопросов: как формировались представления о мужественности, о гражданском долге, о патриотизме, какую роль в этих процессах играли женщины, какова была «культура войны» по отношению к военнопленным, как менялось отношение к рекрутским наборам, какова была судьба ветеранов после окончания войны, и т.д. Как показывает анализ современной историографии, поворот от чисто позитивистских подходов к конструктивизму, от истории сражений к презентациям личного жизненного опыта сопровождается стремлением соединить изучение прошлого с изучением исторической памяти об этом прошлом.

Ключевые слова: военно-историческая антропология, история повседневности, история эмоций, наполеоновские войны, А. Форрест, военная история.

A.V. Gladyshev

A Military History Without the History of Battles

Andrey Gladyshev, Chernyshevsky Saratov State University (Saratov, Russia).

E-mail: gladav2002@mail.ru

*Scopus Author ID: 57194947557; ORCID: 0000-0001-6935-3048; Researcher ID: D-6297-2013
This research was funded by the Russian Science Foundation (Project № 20-18-00113).*

Abstract. The emergence of military-historical anthropology as an independent trend in historiography has changed the traditional image of war. In place of the history of strategic operation plans, battles, marshals and generals, and casualty counts, came the story of the everyday life of soldiers, front-line life, and the emotions of the civilians and servicemen embroiled in the conflict. The “human dimension” of the war has become a topical subject, as evidenced by the publications of Russian

and international researchers on the history of the Revolutionary and Napoleonic Wars over the last two decades. An example of this is a book by Alan Forrest, Professor Emeritus at the University of York, *Napoleon's Men: The Soldiers of the Revolution and Empire*, recently published in Russian. This work, like an Art Nouveau gallery in its day, is a peculiar collection of examples of new approaches and problem formulations in the field of military history. The Revolutionary and Imperial Wars are viewed as the first experience of "total war" in modern history, affecting all sections of society and serving as a catalyst for processes of national self-identification. This approach allows one to answer a number of questions which are new to military history: how perceptions of manhood, civic duty, and patriotism were formed, what role women played in these processes, what the "culture of war" was like towards prisoners of war, how attitudes to recruitment changed, what the fate of veterans was after the war, etc. As the analysis of contemporary historiography demonstrates, the turn from purely positivist approaches to constructivism, from the history of battles to presentations of personal life experiences, is accompanied by a desire to link the study of the past with the study of the collective memory of that past.

Keywords: military-historical anthropology, history of everyday life, history of emotions, Napoleonic Wars, Alan Forrest, military history.

Военная история в последние годы сильно изменилась. Перемены в первую очередь связаны с антропологизацией изучаемых сюжетов: новые вопросы требуют новых измерений, новых методов. История битв, стратегических планов сторон и тактических приемов на поле боя все более становится уделом компиляторов и популяризаторов. Рядом с историей полководцев уверенно занимает свое место история солдат, история их повседневности. Наглядный пример — недавно увидевшая свет книга признанного специалиста по истории Революции и Империи Алана Форреста «За кромкой поля боя»¹, где речь идет о наполеоновских солдатах, о скучной рутине, бледной по сравнению с опасностями в ходе сражений или другими исключительными моментами. Форрест обращается к нетрадиционной для военных историков стороне — к изучению жизненного опыта во время войны и путей его усвоения национальной памятью, соединяя, таким образом, историю повседневности и историю памяти².

В основу книги, как признается сам автор, легли статьи, главы монографий и неопубликованные доклады, подготовленные им с 2005 по 2019 г. Но не лишним будет напомнить, что еще в 2002 г. у него вышла новаторская для того времени монография «Солдаты Наполеона»³, в которой уже были определены интонации более поздних исследований. Новая книга А. Форреста — это не просто переиздание на русском языке статей за последние 15 лет: многое было автором скорректировано, существенно дополнено (в том числе за счет архивных документов), что-то публикуется впервые. Тем ценнее появление этой работы в России: почитателям таланта А. Форреста и всем интересующимся военно-исторической антропологией революционных и наполеоновских войн пора задуматься над изучением русского языка.

Данная статья не является в полном смысле рецензией на книгу А. Форреста, это в большей степени наблюдения, навеянные некоторыми поднятыми в ней дискуссионными вопросами.

Первое, что притягивает к себе внимание в подходе А. Форреста, — объединение под одной обложкой истории революционных и наполеоновских войн (что касается фактологического материала, то революционный период у него доминирует над имперским). Такой подход в принципе не нов, и А. Форрест не слишком заботится об его обосновании. Конечно, характер войн, которые вела Франция в рассматриваемый период, менялся, эволюционировали как представления о тактике, так и сами военные институты, изменялось законодательство и т.п. Но в то же время с точки зрения военной истории, как это сегодня

¹ Форрест А. За кромкой поля боя. Жизнь военных во времена Революционных и Наполеоновских войн. М., 2021. Об авторе см.: Чудинов А. В. Наш добрый друг Алан Форрест (К 75-летию со дня рождения) // Французский ежегодник. 2021: Эпидемии в истории Франции. М., 2021. С. 429–439.

² Аналогичный подход мы обнаружим в сборнике статей, изданном по итогам конференции 2007 г. в Университете Северной Каролины, в котором одна глава принадлежит перу А. Форреста. См.: Gender, War and Politics: Transatlantic Perspectives, 1775–1830 / eds K. Hagemann, G. Mettele, J. Rendall. Springer, 2010.

³ Forrest A. *Napoleon's Men: The Soldiers of the Revolution and Empire*. London; New York, 2002.

позиционируют Жан-Ив Гуйомар, Дэвид Белл, а вслед за ними и А. Форрест с М. Броэрсом (при всех их разногласиях по этому вопросу), главное, что отличает революционные и наполеоновские войны от войн предшествующего периода, — не технологии и способ ведения войны, а их масштаб: обслуживание массовых армий требует общенациональных усилий. Революционные и наполеоновские войны были первой «тотальной войной» в современной истории⁴. Война представляется как этап в формировании государственной и национальной идентичности, что, в свою очередь, и дает логическую возможность соединить изучение массового опыта повседневных практик с изучением параллельной вселенной — коммуникативной и историко-культурной памяти.

Большая часть книги А. Форреста посвящена, если говорить обобщенно, различным феноменам сознания комбатантов или исторической памяти их потомков. Это показатель антропологического поворота в современной военной истории⁵. Исследование начинается с поиска ответа на вопрос: что означало «быть солдатом» для молодых людей? Эта тема была одной из главных в книге А. Форреста 2002 г. Некоторые пассажи автора об умонастроениях новобранцев прямо перекликаются с сентиментами Ж.-П. Берто, писавшего в своей книге «Когда дети говорят о славе» о не достигших еще призывного возраста учащихся школ и лицеев, детей клерков или торговцев, которые добровольцами отправлялись на поля сражений. Это были искатели славы. На полях сражений они присоединились к миллионам новобранцев из детей крестьян и ремесленников, чей энтузиазм был далеко не столь велик. Но и тем и другим (в отличие от уклонистов и дезертиров) суждено было стать профессионалами войны, которыми восхищаются писатели и поэты⁶. Патриотический пыл, заставлявший добровольцев в 1791 г. браться за оружие, давно остыл, и с принятием закона о воинской повинности («закон Журдана» 1798 г.) стало ясно, что рекрутский набор уже лишился романтики и превратился в повседневную реальность, в тягостную ношу. Конечно, еще оставались те, кого манил блеск военного мундира, солдатское жалованье и надежда на наживу и brutальные развлечения; те, кто мечтал сделать военную карьеру или сбежать от семейных дразг. Как писал Ж.-П. Берто, не надо все сводить к принуждению к службе, не надо сбрасывать со счетов привлекательность военной карьеры как для дворян, так и для части буржуазии и простолюдинов. Имперская пропаганда усиленно навязывала обществу военные ценности, слава оружия представлялась едва ли не высшим благом, военная доблесть была мерой характера, служба в армии, казалось, предлагала средства социального продвижения⁷. Согласно официальным источникам, многое видится именно так.

Однако остается вопрос об эффективности имперской пропаганды в традиционном сельском обществе. Одно дело — дворяне, другое — крестьяне, одно дело — бравата парижских газет, громогласно цитируемых в парижских кофейнях, другое — раздумья при свече в глуши западных или юго-западных департаментов Франции. Все, как всегда, окажется весьма индивидуально. Уже во времена Директории идеализм сменился прагматизмом, массовый призыв больше не был добровольным, а при Наполеоне ситуация еще более усугубилась: «ни одна сторона существования имперской Франции не вызывала столь сильного негодования среди населения и не играла такой важной роли

⁴ *Guiomar J.-Y.* L'invention de la guerre totale, XVIII–XX siècle. Paris, 2004; *Bell D.A.* The First Total War: Napoleon's Europe and the Birth of Warfare as We Know It. Boston, 2007. См. также по этому вопросу: *Броэрс М.* Концепция «тотальной войны» в период Французской революции и Первой империи // Французский ежегодник. 2021: Эпидемии в истории Франции. М., 2021. С. 213–226.

⁵ *Гладышев А.В.* Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. Т. 59. С. 136–150.

⁶ *Bertaud J.-P.* Quand les enfants parlaient de gloire. Paris, 2006. P. 347. Форрест со своей стороны пишет о крайнем нежелании сельских парней служить в армии или вообще покидать свои родные края: «Мало кто был от природы искателем приключений или мечтал оставить знакомую жизнь своей деревни». См.: *Форрест А.* За кромкой поля боя. С. 21.

⁷ *Bertaud J.-P.* Travaux récents sur l'armée de la Révolution et de l'Empire // Bulletin de la Société d'histoire moderne et contemporaine. 1986. № 3. P. 4.

в административном механизме государства, как проблема призыва на военную службу»⁸. Форрест, не забывая о мотивации славой, склоняется все же к тому, что рекрутские наборы давно перестали быть добровольными и вызывали у большинства недовольство и даже сопротивление⁹. Опыт войны заключен не только в событиях и действиях, но и в пережитых чувствах. Ситуация психологического стресса обнажает эмоции экзистенциального характера, меняющие человека. Принято считать, что первым, кто призвал историческую науку изучать эмоции, был в 1938 г. Люсьен Февр, предложивший «фактор амбивалентности чувств». Потом были Клиффорд Гирц, Жан Делюмо, Теодор Зельдин, Питер Стернс, Барбара Розенвейн и Уильям Редди: история эмоций становится в историографии XXI в. новой модной темой¹⁰. А. Форрест не теоретизирует по поводу «эмоциологии», «эмотивов», «аффективного поворота» и т.п., но в его текстах анализ чувств солдат занимает свое важное место. «Бурю эмоций» солдата А. Форрест начинает описывать с момента «судного дня» — жеребьевки в коммуне, определяющей, кто будет оторван от семейного очага и расстанется с привычным миром (может быть, навсегда), а кто пока останется. Ежегодность жеребьевки в коммуне придает этому акту ритуальный характер. Напрашивается сравнение с обрядами инициации юношей, на что обратила внимание и современный крупнейший французский специалист по социокультурной проблематике рекрутских наборов во Франции Анни Крепен¹¹. Второй момент расставания — день отъезда новобранца в армию: в духе Арнольда Генеппа А. Форрест акцентирует акт перехода из гражданского состояния в военное¹². К сожалению, автор лишь декларирует важность первого боевого опыта, первого контакта с врагом для формирования памяти о войне в целом¹³.

Структура книги А. Форреста, в основу которой положены ранее уже опубликованные статьи, заставляет автора отвлекаться от развития сюжета, что неизбежно приводит к смысловым повторам. Описывая суровость армейской дисциплины и практику военной юстиции в годы Революции, А. Форрест опять обращается к эмоциям. Он констатирует, что казнь провинившегося сослуживца не вызывает у товарищей (за исключением идеологизированных революционеров) «ни ужаса, ни чувства протеста; солдаты принимали ее так, как они принимали тяготы войны, упражнения, котел с едой»¹⁴. Видимо, дело здесь

⁸ Blanton H.D. Conscription in France during the era of Napoleon // *Conscription in the Napoleonic Era* / eds D. Stoker, F.C. Schneid, H.D. Blanton. London, 2009. P. 6. Цит. по: *Форрест А.* За кромкой поля боя. С. 21. Подробнее о последовательно внедрявшихся в 1790-е годы методов рекрутского набора см.: *Forrest A.* Soldiers of the French Revolution. Durham, 1990. P. 58–88. О нарастании протестных настроений французов также см.: *Гладышев А.В.* Закат империи Наполеона: «общественный дух» французов и сопротивление властям // *История и историческая память.* Вып. 22/23. Саратов, 2021. С. 121–135.

⁹ А. Форрест на протяжении книги несколько раз возвращается к теме мотивации призывников и уклонистов. См.: *Форрест А.* За кромкой поля боя. С. 21, 29, 42–43, 47–49, 52, 177. Этому же сюжету по большому счету посвящена большая часть главы о мотивации солдат Революции (с. 54–68).

¹⁰ Reddy W. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, 2001; Plamper J. The History of Emotions: An Interview with William Reddy, Barbara Rosenwein, and Peter Stearns // *History and Theory.* 2010. № 49. P. 237–265; *Кобылин И.И., Николаи Ф.В.* Нужен ли историкам «поворот к аффекту»? // *Диалог со временем.* 2020. Вып. 72. С. 37–48.

¹¹ Crépin A. Défendre la France. Les Français, la guerre et le service militaire de la Guerre de Sept Ans à Verdun. Rennes, 2005. P. 125–139.

¹² «Многие авторы мемуаров и дневников вспоминали день отбытия в армию как решающий и самый катастрофический момент в своей жизни». Или: «Отбытие новобранца представляло собой нечто вроде социального апартеида, учрежденного государством во имя так называемой революционной традиции». Или: «Эти празднества стали ритуалом инициации для юношей, сознательно светским ритуалом, отмечающим момент, когда молодой человек покидает свою семью и становится частью мужского общества». См.: *Форрест А.* За кромкой поля боя. С. 50, 53–54, 114.

¹³ Ср.: *Гладышев А.В.* Первая встреча населения Франции с «варварами Севера»: 1814 г. // *Французский ежегодник.* 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 182–204.

¹⁴ *Форрест А.* За кромкой поля боя. С. 86. Относительно нравов, царящих в революционных армиях, и релятивности наказаний см.: *Чудинов А.В.* Террор Французской революции на земле Египта 1798–1801 гг. // *Известия Уральского федерального университета.* Сер. 2. Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 3 (200). С. 27–42; *Его же.* Французы в Египте 1798–1801 гг.: неудавшийся диалог

не только в том, что французы времен Террора уже пресытились картинами публичных казней. Это война модифицирует привычную шкалу эмоций: обыденность смерти — неотступной спутницы войны — вызывает больше тоску, чем страх. Утрата большинством солдат идеологической мотивации в условиях бесконечной войны вызывала чувство безысходности, образ потерянного поколения, принесенного в жертву на алтарь имперских амбиций Наполеона.

А. Форрест, пытаясь определить эмоции представителей традиционного замкнутого мира сельских новобранцев, попавших в новый, «большой» мир¹⁵, берется за анализ такого специфического источника как солдатские письма¹⁶. Сам штаб-войн той эпохи определил «беспрецедентное множество писем из всех европейских армий». Отчаянное стремление сохранить контакт с прошлым, убедиться, что твоя судьба все еще кому-то небезразлична, — показатель эмоционального стресса комбатантов: «это был крик о помощи и утешении, и он исходил от огромного множества солдат. Это была отдушина для печалей, пережитых за долгие месяцы вдали от родных. ... Написание писем — ценное оружие в борьбе со скукой, ностальгией по дому и потерей жизненных ориентиров»¹⁷. Командование переписку поощряло, считалось, что она поднимает боевой дух солдат. А долгое отсутствие писем с родины, напротив, могло привести и к дезертирству: «тоска по родному краю (*mal du pays*), ностальгия (*nostalgie*) были признанными медицинскими терминами в армиях, и генералы справедливо опасались того, что эти болезни могли обескровить их армию»¹⁸. Годились любые средства против тоски и эмоционального голода; не случайно многие солдатские письма содержат мольбы о хоть какой-то информации с родины. Что касается заниженной эмоциональности с точки зрения содержания солдатских писем и шаблонности, с точки зрения их формы, так это было следствием ограниченного владения языком и норм маскулинности: переписка не носила исключительно личного характера.

В полном соответствии с последними тенденциями в военно-исторической антропологии А. Форрест принимается за рассмотрение, как он выражается, «деликатного вопроса» о взаимоотношениях военных и гражданского населения. Делается это на примерах изучения военной оккупации¹⁹ и жизненного опыта пленных.

А. Форрест исходит из тезиса, что оккупация как таковая «была средством, она редко являлась самоцелью». Оккупацию Наполеоном европейских государств, если судить по ее стратегическим целям, А. Форрест вообще сгоряча называет «культурным проектом», неким подобием цивилизаторской миссии²⁰. Вопрос, что было в голове Наполеона, весьма дискуссионный, масса мнений по этому поводу свидетельствует о том, как легко можно спутать цель и средства; не случайно выражение «наполеоновские планы» стало нарицательным²¹. В то же время надо признать, что, когда А. Форрест ведет речь о наполеоновских оккупациях, его «взгляд из Йорка» четче акцентирует сопровождавшее французскую оккупацию непереносимое насилие, чем это обычно получается при «взгляде из Парижа». К чести автора, он видит не только жестокости французов, но и обратную сторону медали — ожесточенность сопротивления французам (например, на Пиренейском полуострове): «план Веллингтона был поистине дьявольским в своей

цивилизаций // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 7 (105). URL: <https://history.jes.su/s207987840015129-0-1/> (дата обращения: 10.05.2022).

¹⁵ «Война сыграла важнейшую роль, открыв французской деревне дорогу к новому опыту и поставив под вопрос традиционные взгляды и систему ценностей среди молодых сельских жителей». См.: Форрест А. За кромкой поля боя. С. 119.

¹⁶ Эта проблематика разработана и в отечественной историографии. См.: Промыслов Н.В. Война 1812 года в письмах французских солдат // Французский ежегодник. 2006. М., 2006. С. 219–231; Его же. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М., 2016. Рецензия на эту книгу, см.: Гладышев А.В. Образ России во французской прессе и письмах солдат наполеоновской Великой армии // Новая и новейшая история. 2019. № 6 (63). С. 199–201.

¹⁷ Форрест А. За кромкой поля боя. С. 122, 125.

¹⁸ Там же. С. 126.

простоте и в своей жестокости»²². При этом наказание за грабежи и мародерство с обеих сторон (наполеоновской армии и армии союзников) было непоследовательным и зависело от конкретного социально-политического контекста, носило не систематический, а показательный характер. Сопровождавшие передвижения армий эксцессы не были чем-то принципиально новым, скорее, это было традиционным явлением, оставшимся в народной памяти со времен Тридцатилетней войны. Революционные войны в этом отношении не отличаются от наполеоновских. А. Форрест лишь бегло касается требующего более тщательной проработки вопроса о дихотомии «цивилизация — варварство» в дискурсивных практиках противоборствующих сторон²³ и столь же бегло рассуждает об оккупации Парижа в 1815–1818 гг., оставляя вообще за рамками внимания оккупацию 1814 г.²⁴ «Только по числу пленных судили о победе, — писал граф Сегюр. — Убитые же доказывали скорее мужество побежденных». Вопрос об отношении к военнопленным А. Форрест трактует в рамках «культуры ведения войны». На практике эта «культура» выражалась во все тех же обвинениях (главным образом со стороны

¹⁹ Этому вопросу был посвящен специальный сборник, изданный в том числе и под редакцией А. Форреста. См.: *Soldiers, Citizens and Civilians: Experiences and Perceptions of the Revolutionary and Napoleonic Wars, 1790–1820* / eds A. Forrest, K. Hagemann, J. Rendall. Basingstoke, 2009. А. Форрест в этом сборнике является соавтором «Введения». См. также: *Haynes C. The Allied Occupation of France, 1815–1818* // *War, Demobilization and Memory. War, Culture and Society, 1750–1850* / eds A. Forrest, K. Hagemann, M. Rowe. London, 2016. Об оккупации в эпоху революционных и наполеоновских войн существует отдельная и довольно обширная историография, которая уже сама является предметом анализа исследователей. Например: *Гладышев А.В. Оккупация как предмет военно-антропологических исследований* // *Французский ежегодник. 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации*. М., 2018. С. 10–21; *Еремин В.С. Современная англоязычная историография оккупации Франции 1815–1818 гг.* // *Французский ежегодник. 2021: Эпидемии в истории Франции*. М., 2021. С. 324–347. Феномену оккупации посвящен специальный выпуск 2018 г. «Французского ежегодника».

²⁰ *Форрест А. За кромкой поля боя*. С. 133–134.

²¹ О геополитических проектах Наполеона см., например: *Безотосный В.М. Наполеоновские планы. Проект завоевания Индии Наполеона Бонапарта*. М., 2017.

²² *Форрест А. За кромкой поля боя*. С. 135. «Грабежи, воровство, изнасилования, жестокость по отношению к местному населению — все эти факты отнюдь не были случайными и не являются прискорбным исключением» (с. 138). Филипп Дуайер посвятил специальную статью свидетельствам о массовых убийствах и зверствах в годы революционных и наполеоновских войн, совершенных солдатами Великой армии по отношению к гражданским лицам. Его интересуют не столько причины эксцессов, сколько их презентация в мемуарах. По его мнению, французские мемуаристы описывают насилие, часто оправдывая их, чтобы подчеркнуть ужас не самого акта насилия, а ужас войны в целом, чтобы акцентировать те трудности, с которыми им пришлось столкнуться, «оцивилизовывая» Европу. См.: *Dwyer P.G. “It still makes me shudder”: Memories of massacres and atrocities during the Revolutionary and Napoleonic Wars* // *War in History*. 2009. Т. 16. № 4. Р. 381–405.

²³ См.: *Ададунов В. Контакты между военнослужащими армии Наполеона и крестьянами во время русской кампании* // *Французский ежегодник. 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации*. М., 2018. С. 141–164; *Гладышев А.В. 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов*. М., 2019.

²⁴ Из недавних работ отечественных авторов об оккупации Франции см.: *Болт В.С. Способы разрешения конфликтов между французами и военнослужащими русского оккупационного корпуса 1815–1818 гг.* // *Французский ежегодник. 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации*. М., 2018. С. 205–217; *Танышина Н.П. Русско-французский диалог в годы оккупации Франции союзными войсками. 1814–1818 гг.* // *Французский ежегодник. 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации*. М., 2018. С. 218–239; *Гладышев А.В. Страсти по Авену: иностранная оккупация северо-восточной Франции в 1814 г.* // *Французский ежегодник. 2020. М., 2020. С. 56–184; Его же. Как французские роялисты-патриоты русских казаков полюбили* // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2020. Т. 11. Вып. 4 (90). URL: <https://history.jes.su/s207987840009213-3-1/> (дата обращения: 10.05.2022).

французов) противника в «варварских методах» ведения войны и лицемерии. Также этот вопрос может рассматриваться с точки зрения взаимоотношений военнопленных и гражданского населения. Если о военнопленных Великой армии Наполеона в России отечественный читатель найдет массу исследовательской литературы и сможет узнать по этому вопросу больше А. Форреста, то относительно долгой истории взаимных пленений западноевропейцев известно гораздо меньше²⁵. Несомненно, главное чувство, которое вызывал плен, — страх, но страх перед пленом, можно предположить, зависел от парижантского понимания цивилизованности: одно дело — находиться в английской тюрьме, другое — быть этапированным на берега Волги, за которой, по ментальным картам французов, начиналась Сибирь, что означало бы не просто неизбежную, но и мучительную гибель. Конечно, «нарративы плена»²⁶ пишутся по законам своего жанра, они построены на контрасте, в них много вымысла и плагиата, но они дают, по крайней мере, представление и о трудностях межкультурной коммуникации, и о возможностях кросс-культурных отношений.

Логика истории войн без описания собственно боевых действий и тактических маневров, но с акцентированием повседневности за кромкой битвы и феноменов сознания солдат подводит нас к рассмотрению проблем, с которыми столкнулись вернувшиеся домой с полей войны или из плена комбатанты. Эта тематика привлекла в свое время внимание профессора истории из университета Авиньона Натали Петито, автора около десятка монографий и массы статей по истории Империи во Франции и памяти о ней. Занимаясь в 1990-е годы преимущественно историей имперских элит и имперской мифологией, в 2003 г. она выпустила книгу «Завтрашний день Империи: солдаты Наполеона в XIX веке»²⁷. Вместе с книгой А. Форреста 2002 г. «Солдаты Империи» эта работа стала вехой историографии, маркирующей стремление преодолеть мифологизацию наполеоновских ветеранов. После Ватерлоо около миллиона мужчин (3,7% французов) имели право на признательность и благодарность за военные заслуги перед отечеством. Это не была гетерогенная социoproфессиональная группа: разный возраст, разный опыт, разные заслуги. Поэтому методы традиционной социальной истории здесь едва ли эффективны. Отставные военные не могли даже создать свое формальное объединение, чтобы как-то влиять на совершенствование пенсионного законодательства. Правительство же Реставрации, исходя из «логики благотворительности», требующей контроля над пожертвованиями, и политического реваншизма к солдатам «узурпатора», оставило их в забвении. Только в 1869 г. пенсия, ошибочно названная «пенсией Святой Елены», стала выплачиваться тем, кто для ее получения в любом случае еще должен был доказать недостаточность личных средств. Пути реинтеграции наполеоновских солдат в послевоенное общество были разнообразны (через брак, через продолжение службы, через переподготовку и т.п.). Что касается их политической ориентации при новом режиме, то лишь меньшинство оказалось в рядах бонапартистов, большинство же, проявляя политическое безразличие, смирилось с Бурбонами, а некоторые даже стали роялистами.

Стефан Кальве из того же университета Авиньона, что и Натали Петито, защитил в 2009 г. диссертацию по истории постимперского будущего более 500 офицеров из Шаранта — центра бонапартизма²⁸. Описывая военные карьеры офицеров Шаранта, Кальве смещает исследовательский акцент в сторону изучения чувствительности: что важнее

²⁵ См., например: Arrachés et déplacés: réfugiés politiques, prisonniers de guerre, déportés, 1789–1918 / eds N. Beaupré, K. Rance. Clermont-Ferrand, 2016.

²⁶ Выражение Линды Колли. См.: Colley L. Captives: Britain, Empire and the World. 1600–1850. New York, 2002.

²⁷ Petiteau N. Lendemain d'Empire: Les soldats de Napoléon dans la France du dix-neuvième siècle. Paris, 2003. См. также: Petiteau N. Survivors of War: French Soldiers and Veterans of the Napoleonic Armies // Soldiers, Citizens and Civilians: Experiences and Perceptions of the Revolutionary and Napoleonic Wars, 1790–1820 / eds A. Forrest, K. Hagemann, J. Rendall. Basingstoke, 2009. P. 43–58; Eadem. Guerriers du Premier Empire: expériences et mémoires. Paris, 2011.

²⁸ Calvet S. Les officiers charentais de Napoléon au dix-neuvième siècle. Paris, 2010.

для военного — способность терпеть, выносливость или склонность к героизму, какой отпечаток военное насилие наложило на комбатантов, и т.п. Но главное внимание уделяется опять-таки вопросу реинтеграции демобилизованных в поствоенное общество. Кальве приходит к выводу, что классовая принадлежность оказывается важнее корпоративного духа, принадлежности к «боевому братству». Помимо чисто материальных вопросов (о трудоустройстве, о пенсиях) Кальве касается и ментальных вопросов: как ветераны добивались признания, наград, места в истории. Для этого автор использует самый разнообразный круг источников: от кладбищенских эпитафий до метрик о рождении. В целом подтверждаются те выводы, которые сделала ранее Н. Петито (отсутствие групповой гетерогенности, различная политическая ориентация и т.д.).

Наконец, в 2016 г. под редакцией А. Форреста вышел специальный сборник статей «Война, демобилизация и память: наследие войны в эпоху атлантических революций», в котором специальный раздел отведен военному и культурному наследию войны; к рассматриваемому вопросу имеет отношение статья Джеймса Лейтона, который на основе мемуаров исследует опыт демобилизации в германских государствах²⁹.

Французы и в XVIII в. видели ветеранов в отставке. Судьбы возвращающихся к мирной жизни военных, конечно, были разными. Кто-то сумел интегрироваться, другие превратились в сомнительные или даже маргинальные элементы общества. За годы Революции и Империи количество ветеранов резко выросло. Военная служба уже стала делом привычным, даже своеобразным «ритуалом инициации»³⁰. Теперь ветераны — элемент повседневности французского общества. А в Англии так вообще возникла «культура восхищения войной». В целом в Европе, принимая во внимание усилия пропаганды, общественный статус ветерана вырос: «политический дискурс ... играл важную роль: он подарил солдатам почетное место в иконографии нации, в особенности воюющей нации, и они считали, что это место дает им право рассчитывать на благодарность сограждан и после окончания войны»³¹. Риском предположить, что в сознании комбатантов шел закономерный и хорошо известный по временам всяческих радикальных пертурбаций процесс: от идеализации гражданского долга (во времена Революции) к стремлению монетизировать заслуги (в годы Империи и Реставрации). Но надежды ветеранов часто разбивались о реалии жизни. Политический дискурс первых лет Реставрации был направлен на защиту в первую очередь тех, кто пострадал в борьбе с революционерами и «узурпатором». Солдатам, сражавшимся под знаменами Наполеона и не имевшим никаких официальных ветеранских организаций, оставалось негодовать и предаваться воспоминаниям, встречаясь со своими сослуживцами на ярмарках или в трактирах. Их пенсии были минимальными и обрекали на бедность или даже попрошайничество. Особенно тяжело было инвалидам и переживающим военный невроз: А. Форрест со ссылкой на Н. Петито обращает внимание на определенное число тех, кто получил диагноз «безумие» или «слабоумие» и окончил свои дни в сумасшедшем доме³². Трудоустроиться отставники могли учителями фехтования, конной езды, егерями, сторожами, лесничими, таможенниками, землепашцами. Кому повезло — удачно женились в «обезмужичевшей» Франции. Но не сама по себе служба в армии, а в первую очередь

²⁹ Leighton S.J. The Experience of Demobilization: War Veterans in the Central European Armies and Societies after 1815 // War, Demobilization and Memory. War, Culture and Society, 1750–1850 / eds A. Forrest, K. Hagemann, M. Rowe. London, 2016. См. также введение к этому сборнику: Forrest A., Hagemann K., Rowe M. Introduction: War, Demobilization and Memory in the Era of Atlantic Revolutions // War, Demobilization and Memory: The Legacy of War in the Era of Atlantic Revolutions / eds A. Forrest, K. Hagemann, M. Rowe. London, 2016. P. 3–29.

³⁰ Форрест А. За кромкой поля боя. С. 176.

³¹ Там же. С. 177. В основе главы о демобилизации лежит его же статья «Почетные злодеи: ветераны революционных и наполеоновских войн». См.: Forrest A. Honourable Villains: Veterans of the Revolutionary and Napoleonic Wars // Mittelweg: Zeitschrift des Hamburger Instituts für Sozialforschung. 2015. № 36. P. 32–45.

³² Форрест А. За кромкой поля боя. С. 181.

социальное происхождение и в отдельных случаях дружественные связи помогали устроиться в новом мире.

В оформлении обложки упомянутого выше сборника 2016 г. «Война, демобилизация и память» использована картина Морица Даниэля Оппенгейма «Возвращение добровольца с освободительных войн к своей семье, все еще живущей в соответствии со старыми обычаями». Сам Оппенгейм в силу молодости в наполеоновских войнах участия не принимал, но своей картиной 1833–1834 г. обратился к памяти об участии молодых еврейских добровольцев в борьбе за свободу и обещанную им эмансипацию. Так от истории демобилизованных ветеранов, развлекавших публику своими похождениями, совершается символический переход к исторической памяти.

Последние три главы книги А. Форреста посвящены проблематике исторической памяти о войне³³.

Начинает эту тему А. Форрест с анализа школьных учебников времен Третьей республики — времени, когда правительство взялось за систематическое формирование республиканской памяти о революционном прошлом: «воспевание Революции всегда означало воспевание и ее военных побед»³⁴.

Если при Старом порядке история еще не рассматривалась как обязательная и необходимая дисциплина, а само слово «история» до 1780 г. вообще употреблялось во множественном числе в связи с какими-то вполне конкретными объектами³⁵, то в 1795 г. революционеры включили историю в программы центральных школ³⁶. К середине XIX в. наступает «золотой возраст» исторического образования во Франции. В годы Второй Республики изучение истории (в том числе Революции и Империи) становится обязательным. Власти тщательно контролировали эту сферу образования. Правительство Третьей республики воспользовалось оружием своих предшественников и также не пренебрегло контролем за идеологией образования³⁷. Совершенно очевидно, что школьные учебники по истории долгое время были самым массовым инструментом формирования исторической памяти и национальной самоидентификации. Битва идей вокруг содержания исторического образования стала явлением перманентным³⁸.

Историография преподавания истории во французской школе весьма обширна и разнообразна по сюжетам³⁹. Составлен полный перечень учебников и различных учебных книг по истории,

³³ Проблематика исторической памяти стала едва ли не визитной карточкой современной французской историографии. Даже если объектом диссертационного исследования является оккупация Франции войсками союзников, обоснование актуальности темы делается через проблематику исторической памяти. См. по этому поводу: *Гладышев А.В.* Казаки во Франции в 1814 г.: образ и коллективная память // Уральский исторический вестник. 2014. № 4 (45). С. 5–25.

³⁴ *Форрест А.* За кромкой поля боя. С. 194. См.: *Forrest A.* La représentation de la guerre et des armées de la Révolution dans les manuels scolaires français // Entre enseignement et recherche: L'histoire de la Révolution française / ed. A.M. Rao. Naples, 2015. P. 57–77.

³⁵ Подробнее см.: *Козеллек Р.* Можем ли мы распоряжаться историей? // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 226–241.

³⁶ По истории школы в годы Революции см.: *Ozouf M.* L'Ecole de la France, Essai sur la Révolution, l'utopie et sur l'enseignement. Paris, 1984.

³⁷ «После войны 1870 г. власти Третьей республики, решив, что военное поражение Франции во многом было обусловлено тем, что французский школьный учитель уступал немецкому, сделало приоритетом программу начального образования, которое стало действительно всеобщим, бесплатным и обязательным для всех». См.: *Форрест А.* За кромкой поля боя. С. 195.

³⁸ «Путешествие по Франции» Ж. Бруно (писательницы Огюстины Фуйе) с 1877 по 1901 г. издано тиражом в 6 млн. О значении школьных учебников по истории для конструирования памяти и прославления республиканских ценностей во Франции см.: *Lecuir J.* Manuels scolaires et mémoire historique: réflexion autour d'un sondage // Enseigner l'histoire: des manuels à la mémoire: travaux du Colloque Manuels d'histoire et mémoire collective, UER de didactique des disciplines, Université de Paris 7. Berne, 1984. P. 217–225; *Гладышев А.В.* Конструирование исторической памяти и школьные учебники (опыт Франции) // Европа. 2010. Вып. 9. С. 46–51.

изданных с середины XVII в. до 60-х годов XX в. во Франции⁴⁰. Коллективное исследование под общим руководством Алена Шопена о школьных учебниках, увидевших свет с 1789 по 1989 г., издал Национальный институт педагогических исследований Франции⁴¹. Естественно, что исследователи просто не могли не обратить внимание на отражение в учебниках столь знаковых для французов исторических событий, как Французская революция и императорство Наполеона⁴². Эта тематика затрагивалась на коллоквиумах, посвященных общим вопросам отражения истории в школьных учебниках⁴³. 200-летие Революции отмечено в том числе и коллоквиумом «Школьные учебники и Французская революция»⁴⁴. Пусть и небольшое, но отдельное исследование посвящено образу Робеспьера в школьных учебниках различных стран мира и, естественно, самой Франции⁴⁵. Есть ряд публикаций по этому сюжету и в российской историографии⁴⁶.

Подход А. Форреста на фоне этой историографической традиции отличают три момента, хотя он и не был их первооткрывателем. Профессор из Йорка, с одной стороны, сосредоточился на Франции последней трети XIX в., вписывая школьные учебники в широкий исторический контекст политики памяти властей Третьей Республики. С другой стороны, он акцентирует внимание на формировании культа героев, подчеркивает борьбу между светскими и церковными дискурсами по школьной истории, что, видимо, было актуально для конца XIX — начала XX в.: и та и другая сторона создавали культ героев, только герои были у каждого свои (сам А. Форрест ведет речь главным образом о светской литературе). Наконец, А. Форреста интересуют не образы Революции и Империи вообще, а именно их армий и солдат. Положительный образ армии и культ солдата (и революционного, и наполеоновского) был принципиально важен после франко-прусской войны и для республиканцев, и для монархистов (последние просто от фанатиков-революционеров отделяли символизирующих гражданское самопожертвование солдат). Патриотизм создавал «общий вектор» и побуждал всех к согласию.

От анализа республиканского и католического дискурса в учебной литературе А. Форрест переходит к рассмотрению образа битвы при Ватерлоо в исторической памяти англичан

³⁹ К основоположникам этого направления в 1960-е годы можно отнести П. Жербо, Ж. Озуф, Ж. Фрейсине-Доминьона. См.: *Gerbod P.* La place de l'histoire dans l'enseignement secondaire de 1802 à 1880 // *L'information historique*. 1965. № 3. P. 125–130; *Ozouf J.* L'Ecole, l'Eglise et la République: 1871–1914. Paris, 1963; *Idem.* Nous, les maîtres d'école. Paris, 1967; *Freyssinet-Domingon J.* Les Manuels d'histoire de l'école libre, 1882–1959, de la loi Ferry à la loi Debré. Paris, 1969.

⁴⁰ *Amalvi C.* Répertoire des auteurs de manuels scolaires et de livres de vulgarisation historique de langue française: de 1660 à 1960. Paris, 2001. Подробнее о французской историографии школьных учебников см.: *Гладышев А.В.* Формирование исторической памяти: школьные учебники и Французская революция // *История и историческая память*. Вып. 2. Саратов, 2010. С. 30–60.

⁴¹ *Manuels scolaires, Etats et sociétés: XIXe–XXe siècles* / ed. A. Choppin. Paris, 1993. Это исследование было продолжено: *Les manuels scolaires en France de 1789 à nos jours*. 7, Bilan des études et recherches / eds A. Choppin, B. Pinhède. Paris, 1995. Работой в этом направлении занимается и университет Поля Валери: *Manuels et apprentissages au fil des siècles*. Montpellier, 1997.

⁴² См., например: *Humbert R.* Il était un fois la Révolution les manuels scolaires rencontent: 1789–1799. Paris, 1989; *Casin R.* Napoléon 1er: et les bicentennaires des grandes institutions de la République. Montsûrs, 2002; *Idem.* Napoléon et les manuels d'histoire. Paris, 2008. Причем не только во французских учебниках, но и в учебниках других стран. См., например: *La Révolution française expliquée aux petits Anglais: dans leurs manuels scolaires d'histoire*. Epinal, 1989.

⁴³ Выступающие, в частности, отметили принципиальный вклад школьных учебников в формирование исторической памяти общества. См., например: *Lecuir J.* Op. cit.

⁴⁴ *Manuels scolaires et Révolution française*. Messidor; Paris, 1989.

⁴⁵ *L'Image de Robespierre dans les manuels scolaires d'Europe et du monde*: Arras. 3 décembre 1989, colloque international. Lille, 1989.

⁴⁶ *Посконин В.С.* Французская революция в учебниках школ Франции // *Новая и новейшая история*. 1989. № 3. С. 200–207; *Гладышев А.В.* Формирование исторической памяти; *Его же.* Конструирование памяти: можно ли забыть Наполеона, но помнить о Монопотаме // *История и историческая память*. Вып. 3. Саратов, 2011. С. 37–57; *Бовыкин Д.Ю.* Французская революция XVIII в. в школьных учебниках России // *Французский ежегодник*. 2014: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С. 340–360.

и французов. За основу взята его статья 2016 г.⁴⁷, но этот вопрос рассматривался им более детально и в книге 2015 г.⁴⁸

Топоним «Ватерлоо» давно уже имеет символическое значение. Понятно, что распропагандировали Ватерлоо как символ своей победы в первую очередь англичане и немцы. Немцы в XIX в. упорно называли это сражение «сражением при Бель-Альянсе» и настаивали на своем решающем победном вкладе. Улицы с названием «Бель-Альянс» до сих пор можно встретить в немецких городах. Дело в том, что на одноименном постоялом дворе после завершения битвы поздно вечером встретились Веллингтон и Блюхер. Но в этой гонке за славой победили англичане. Притом, что лишь 36% армии Веллингтона были британцами — остальные были немцами, голландцами или фламандцами и валлонами из тех мест, где сейчас расположена Бельгия. Именем Ватерлоо в Лондоне названы вокзал и мост через Темзу. Кроме того, в англосаксонском мире (от Австралии до Канады) около 120 городов и селений носят имя Ватерлоо⁴⁹.

Для британцев победа при Ватерлоо стала символом национального триумфа: есть о чем вспомнить, есть как сплотить англичан, шотландцев, ирландцев... А для французов? За исключением отъявленных роялистов и эмигрантов? Когда Алейда Ассман писала о роли в массовом сознании памяти-славы и памяти-травмы, то она имела в виду вовсе не французов. Зачем бы французам использовать память-травму о поражении при Ватерлоо для формирования национальной идентичности или поднятия патриотических настроений? «Франции было особенно нечего праздновать, кроме облегчения от того, что тяготы Наполеоновских лет остались позади»⁵⁰. Конечно, принесенные жертвы нельзя было предать забвению: вопрос не в том, чтобы помнить, а о том, как вспоминать. А. Форрест много рассуждает о роли для французов памяти о Наполеоне и наполеоновских войнах, но это несколько иной сюжет. Поражение сложно включить в национальную историю, даже если это «славное поражение». А. Форрест ограничивается констатацией, что в ходе юбилейных коммемораций, посвященных битве, французы всегда проявляли «сдержанность»⁵¹. «Сдержанность» — проявление дипломатичности А. Форреста. При обновлении музея-панорамы в Ватерлоо к 200-летней годовщине сражения французские историки поспешили выразить озабоченность, настаивая, чтобы мемориал Ватерлоо отражал разнообразие взглядов на битву⁵². А когда бельгийцы отчеканили двухевровую монету в память о Ватерлоо, французы подали протест в создании «излишней» напряженности в Европе и послали на юбилейные торжества второстепенных чиновников своего МИДа.

В процессе превращения «Ватерлоо» в символ национального триумфа британцев есть любопытный нюанс, который отражен в книге А. Форреста 2015 г. Революционная и наполеоновская эпоха, по его мнению, была «символом надежды европейцев на равенство и свободу».

⁴⁷ Forrest A. Contrasting Memories: Remembering Waterloo in France and Britain // War, Demobilization and Memory: The Legacy of War in the Era of Atlantic Revolutions / eds A. Forrest, K. Hagemann, M. Rowe. Basingstoke, 2016. P. 353–368.

⁴⁸ Forrest A. Waterloo: Great Battles. Oxford, 2015.

⁴⁹ Гладышев А.В. Ватерлоо как место памяти: мемориально-музейный ландшафт и политика преодоления прошлого // Историческая память и культурные символы национальной идентичности: матер. междунар. науч. конф. (Пятигорск, 18–20 октября 2017 г.). Ставрополь; Пятигорск, 2017. С. 134–139; Гладышев А.В. Великие сражения в исторической памяти или Почему машут кулаками после драки // История и историческая память. Вып. 18. Саратов, 2018. С. 167–182.

⁵⁰ Форрест А. За кромкой поля боя. С. 219.

⁵¹ Ср.: Гладышев А.В. Наполеоновские войны 1812–1815 гг.: современные коммеморации французов // Французский ежегодник. 2016: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. М., 2016. С. 336–354; Гладышев А.В. 200-летний юбилей событий Большой европейской войны 1812–1815 годов: Российский вариант // История и историческая память. Вып. 13–14. Саратов, 2016. С. 69–81.

⁵² Boudon J.-O. Editorial // Revue de l'Institut Napoléon. 2013. № 207. P. 5.

Конечно, не для Бёрка. Но для Байрона. Эта надежда и погибла на полях Ватерлоо⁵³. С этой точки зрения Ватерлоо — своеобразный апогей противостояния принципиально антагонистичных друг другу систем ценностей, это ключевая веха не только в военной, но и в социокультурной истории человечества.

Сам Наполеон, оценивая битву при Ватерлоо, если верить опубликованному в 1823 г. Эммануэлем Лас Казом «Мемориалу Святой Елены», предсказывал, что «память побежденного переживет его поражение, а память победителя, возможно, будет погребена его же триумфом». И в общем-то предсказание оказалось пророческим. В памяти поколений 18 июня 1815 г. сохранился как «непонятный день», когда гарантированная победа гениального полководца превратилась в поражение.

От наполеоновского образа Ватерлоо — поражения, достойного уважения, оставившего славу и репутацию полководца в неприкосновенности, — А. Форрест переходит к рассмотрению другого образа — «славного поражения» 1812 г.

Речь идет опять об исторической памяти об эпохе революционных и наполеоновских войн. Тема эта А. Форресту очень близка. Не случайно он выступил одним из редакторов международного сборника «Воспоминания о войне: революционные и наполеоновские войны в современной европейской культуре»⁵⁴, в котором международный коллектив авторов исследовал вопросы пересечения опыта и памяти, частного и общественного, истории и художественной литературы или изобразительного искусства и, что наиболее важно, пересечения между воспоминаниями индивида, группы, региона, нации и в целом европейцев. Сюжеты представлены самые разнообразные: личные воспоминания (австрийского кавалериста, британских солдат и гражданских лиц, немецких путешественников и участников Египетского похода), исторические романы (об английских морях, о немецких патриотах Рейнской области, о русских героинях 1812 г.), о частных вопросах государственной политики памяти (британцев и немцев), о визуализации исторической памяти (в английских и русских карикатурах, в музейных экспозициях, литографиях, картинах Гойи и немецких художественных фильмах межвоенного периода). Одновременно с выходом сборника А. Форрест выступил на международном симпозиуме в Пенсильванском университете в Филадельфии с докладом «Россия, Московская кампания и создание наполеоновской легенды». Доклад не был опубликован, его расширенная версия стала главой русскоязычной монографии А. Форреста, и в ней мы найдем следы идей из вышеуказанного сборника.

Не вдаваясь в подробности становления Наполеона как величайшего пропагандиста и его перманентных усилий по созданию собственной легенды⁵⁵, А. Форрест обращается к рассмотрению места русской кампании 1812 г. в наполеоновской легенде: как полководец использовал военную кампанию 1812 г. для своей пропаганды?⁵⁶ Позиционируя кампанию в целом как «войну за французскую честь», бывший император Франции в «Мемориале» старается представить дело как не «бегство из России», а «стратегический вывод войск», битву на Березине не как «катастрофу», а как героическое деяние французов и даже победу. Обратившись

⁵³ Forrest A. Waterloo: Great Battles. P. 179. О притягательности образа Наполеона, который завладел умами целого поколения в век романтизма, см.: Bainbridge S. Napoleon and English Romanticism. Cambridge, 1995.

⁵⁴ War Memories: The Revolutionary and Napoleonic Wars in Modern European Culture / eds A. Forrest, E. François, K. Hagemann. Basingstoke, 2012.

⁵⁵ Литература по этому вопросу весьма обширна, и ее обзор занял бы слишком много места. Отмечу лишь новаторскую для своего времени работу профессора из Луизианского университета Роберта Холтмана: Holtman R. B. Napoleonic propaganda. Baton Rouge, 1950. См. также исследование Уэйна Хенли, продемонстрировавшего, что в наполеонистике еще есть малоизученные области, и защитившего в 1998 г. диссертацию об истоках наполеоновской пропаганды: Hanley W. The genesis of Napoleonic propaganda, 1796 to 1799. New York, 2002.

⁵⁶ По этому вопросу см.: Проmysлов Н. В. Французская пропаганда о России накануне и во время войны 1812 года // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Т. 4. Выпуск 1 (17). URL. <https://history.jes.su/s207987840000003-2-5/> (дата обращения: 10.05.2022). О наполеоновской легенде в целом см.: Тяньшина Н. П. Наполеон Бонапарт: между историей и легендой. М., 2020.

к письмам французских солдат из России, мы увидим, что их волновали не стратегические замыслы и тактические маневры, а наступившие морозы, голод, болезни, простые бытовые вопросы. Эти сетования укрепляли наполеоновскую легенду: все было хорошо, пока не вмешался «генерал Мороз». Но тут А. Форрест сбивается на едва ли уместное здесь опровержение этой пропагандистской установки. То он ссылается на новаторскую точку зрения Д. Ливена о причинах поражения Наполеона⁵⁷, то пересказывает впечатления французов от казаков⁵⁸.

В заключение А. Форрест переходит к обсуждению очень важного, актуального и мистифицированного вопроса о стереотипах восприятия России в XVIII в. и в ходе кампании 1812 г. Речь идет об этнических характеристиках и общем концепте «цивилизованности». Оставим в стороне дискуссию о существовании «национального характера» и степени отражения реальности в образе «другого»: стереотипы восприятия важны независимо от того, соответствуют ли действительности, ибо они определяют наши действия.

Рассуждения о наполеоновском проекте Европы приводят некоторых историков, как М. Броэрс, к выводу, что император Франции хотел вслед за императорами прежних лет видеть в Европе единую культуру и единую цивилизацию, рамки которой зададо некогда христианство⁵⁹. А. Форрест, развивая эту мысль, выдвигает гипотезу, что Наполеон ни много ни мало «хотел покончить с давним разделением на Восток и Запад, на православие и католицизм, гармонично объединив всю Европу в общем государственном образовании»⁶⁰. В этом свете Русская кампания приобретала новый смысл — «цивилизаторский». Сложно говорить, насколько эта идея была искренней и насколько глубоко она была внедрена в сознание императора Франции. А вот о чем с уверенностью следует говорить, так это о том, что наполеоновская пропаганда всячески старалась придать войне с Россией мессианский характер: англичанам после 1812 г. следовало бы подумать, на чьей они стороне — цивилизованной европейской Франции или варварской азиатской России, ведущей свои орды в Западную Европу⁶¹.

Наполеоновская пропаганда опиралась на распространенные в предшествующее столетие на Западе стереотипические представления о России. Этот вопрос исследовал Марк Белисса: и французская пресса, и энциклопедисты XVIII в. характеризовали российское общество как дикое, воинственное, склонное к масштабному насилию и грабежу⁶². «Сама идея того, что одни народы более цивилизованны, чем другие, что может существовать нечто вроде турнирной таблицы народов, выстроенных в порядке, заданном их культурой и ценностями, очень соответствовала высокомерному самолюбию XVIII в.», — пишет А. Форстер. Отсюда и его вывод о смысле кампании 1812 г.: «образ России, господствовавший в то время во Франции и в большей части Западной Европы, неизбежно наводил на мысль, что речь идет еще и о культурной миссии, о необходимости навязать ценности более цивилизованного Запада жестокому и порой варварскому Востоку»⁶³.

Но для меня вопрос остается открытым: каких же конкретно ценностей цивилизованного Запада была столетиями лишена Россия и что же это такое, с точки зрения самих французов эпохи Революции и Империи, — «цивилизованность»? Французские военные в письмах из России на родину возмущались «нецивилизованными» методами ведения противником войны (казаками, партизанами)⁶⁴. Но и Наполеон в 1814 г. очень сильно

⁵⁷ Заключение Ливена весьма категорично: «Одной из главных причин, по которой Россия одолела Наполеона, было то, что российские политические деятели оказались дальновиднее его». См.: Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012.

⁵⁸ Гладышев А.В. 1814 год... С. 20–24.

⁵⁹ Broers M. Napoleon, Charlemagne and Lotharingia: Acculturation and the Boundaries of Napoleonic Europe // The Historical Journal. 2011. № 44 (1). P. 135–154.

⁶⁰ Форрест А. За кромкой поля боя. С. 247.

⁶¹ Подробнее см.: Гладышев А.В. «Казачи» и антирусская наполеоновская пропаганда в 1814 г. // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14. № 2. С. 70–76.

⁶² Belissa M. La Russie mise en Lumière: Représentations et débats autour de la Russie dans la France du 18e siècle. Paris, 2010.

⁶³ Форрест А. За кромкой поля боя. С. 143, 247–248.

⁶⁴ O'Rourke S. The Cossacks. Manchester, 2007. P. 139–140.

рассчитывал именно на народное сопротивление французам войскам оккупантов⁶⁵. Никто же не пишет, что это из соображений «цивилизованности» французские крестьяне весьма вяло прореагировали на призывы корсиканца взяться за оружие и остались сидеть по домам. А о тех случаях народного сопротивления, которые все же в 1814 г. имели место и среди которых встречались и убийство фуражиров противника, и добивание после боя раненых солдат, пишут в оправдательных тонах⁶⁶. Грань между обыкновенным разбоем и «народной войной» не всегда была четкой.

Иностранцы, когда писали о России, отделяли элитарное столичное общество от народного провинциального. Можно даже проследить связь между цивилизацией и городской жизнью и нецивилизованной отсталостью и сельской нищетой. Но это уже не имеет никакого отношения к этническим образам, подобные контрасты можно было обнаружить хоть в округе Стамбула, хоть Парижа. Луи-Филипп де Сегюр, посетив Петербург в 1784 г. и говоря о нецивилизованности России, указывал на весьма запутанное сочетание азиатских *манер* (курсив мой. — А.Г.) с западноевропейскими. Неужели все дело в манерах, в обходительности, куртуазности?

Видимо, даже после Эдварда Саида и Ларри Вульфа⁶⁷ с их стремлением к обобщениям все же необходим неторопливый семантический анализ ряда привычных, постоянно встречающихся в дискурсе западноевропейцев XVIII–XIX вв. и от того кажущихся само собой разумеющимися лексем «цивилизация», «варварство», «невежество», «справедливость»⁶⁸.

Война, описанная в учебниках, и война, отраженная в письмах и воспоминаниях солдат, — разные дискурсы о войне со своими ключевыми событиями. Для массы рекрутов это была не только возможность «поучаствовать в истории», но и жестокая инициация, открывшая для них мир, о котором они прежде знали так мало. Восприятие новой системы ценностей привело к тому, что в итоге они стали лучше понимать ту нацию, к которой принадлежали. В то же время национальной самоидентификации и консолидации способствовало через создание национальных мифов и нарративов конструирование отцензурированной версии памяти. Изучение повседневного опыта жизни в условиях войны (как самих комбатантов, так и гражданских) и памяти о войне, включая масштабные коммеморации — перспективное направление современной военно-исторической антропологии.

Библиография/ References

Ададунов В. Контакты между военнослужащими армии Наполеона и крестьянами во время русской кампании // Французский ежегодник. 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 141–164.

Безотосный В.М. Наполеоновские планы. Проект завоевания Индии Наполеона Бонапарта. М., 2017.

Бовыкин Д.Ю. Французская революция XVIII в. в школьных учебниках России // Французский ежегодник. 2014: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С. 340–360.

Болт В.С. Способы разрешения конфликтов между французами и военнослужащими русского оккупационного корпуса 1815–1818 гг. // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 205–217.

Брозэс М. Концепция «тотальной войны» в период Французской революции и Первой империи // Французский ежегодник. 2021: Эпидемии в истории Франции. М., 2021. С. 213–226.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.

⁶⁵ Petiteau N. Les Français et l'Empire (1799–1815). Paris, 2008. P. 230. См. также: Hantraye J. Les prises d'armes de 1814–1815, signe et facteur de la politisation des ruraux // Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest. 2011. № 4. P. 47–61; Forrest A. Les partisans de la campagne de France: mythe ou réalité // 1814. La campagne de France. Troyes, 2016.

⁶⁶ «Но если они так и поступают, то только, чтобы защитить свои хижины и отразить насилие со стороны врага, а не из-за чувства бонапартизма, затонированного под патриотизм». См.: Ber-taud J.-P. Quand les enfants parlaient de gloire. P. 373.

⁶⁷ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003; Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

⁶⁸ Гладышев А.В. Социальная справедливость как маркер «цивилизованности»: от истории представлений к информационным войнам // История и историческая память. Вып. 16. Саратов, 2018. С. 20–30.

- Гладышев А.В. Формирование исторической памяти: школьные учебники и Французская революция // История и историческая память. Саратов, 2010. Вып. 2. С. 30–60.
- Гладышев А.В. Конструирование исторической памяти и школьные учебники (опыт Франции) // Европа. 2010. Вып. 9. С. 46–51.
- Гладышев А.В. Конструирование памяти: можно ли забыть Наполеона, но помнить о Монопотаме // История и историческая память. Вып. 3. Саратов, 2011. С. 37–57.
- Гладышев А.В. «Казак» и антирусская наполеоновская пропаганда в 1814 г. // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14. № 2. С. 70–76.
- Гладышев А.В. Казаки во Франции в 1814 г.: образ и коллективная память // Уральский исторический вестник. 2014. № 4 (45). С. 5–25.
- Гладышев А.В. 200-летний юбилей событий Большой европейской войны 1812–1815 годов: Российский вариант // История и историческая память. Вып. 13–14. Саратов, 2016. С. 69–81.
- Гладышев А.В. Наполеоновские войны 1812–1815 гг.: современные коммеморации французов // Французский ежегодник. 2016: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. М., 2016. С. 336–354.
- Гладышев А.В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. Т. 59. С. 136–150.
- Гладышев А.В. Ватерлоо как место памяти: мемориально-музейный ландшафт и политика преодоления прошлого // Историческая память и культурные символы национальной идентичности: матер. междунар. науч. конф. (Пятигорск, 18–20 октября 2017 г.). Ставрополь; Пятигорск, 2017. С. 134–139;
- Гладышев А.В. Великие сражения в исторической памяти или Почему машут кулаками после драки // История и историческая память. Вып. 18. Саратов, 2018. С. 167–182.
- Гладышев А.В. Первая встреча населения Франции с «варварами Севера»: 1814 г. // Французский ежегодник. 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 182–204.
- Гладышев А.В. Оккупация как предмет военно-антропологических исследований // Французский ежегодник. 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 10–21.
- Гладышев А.В. Социальная справедливость как маркер «цивилизованности»: от истории представлений к информационным войнам // История и историческая память. Вып. 16. Саратов, 2018. С. 20–30.
- Гладышев А.В. Образ России во французской прессе и письмах солдат наполеоновской Великой армии // Новая и новейшая история. 2019. Т. 63. № 6. С. 199–201.
- Гладышев А.В. 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. М., 2019.
- Гладышев А.В. Как французские роялисты-патриоты русских казаков полюбили // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 4 (90). URL: <https://history.jes.su/s207987840009213-3-1/> (дата обращения: 10.05.2022).
- Гладышев А.В. Страсти по Авену: иностранная оккупация северо-восточной Франции в 1814 г. // Французский ежегодник. 2020: Войны и революции в Новое время. М., 2020. С. 156–184.
- Гладышев А.В. Закат империи Наполеона: «общественный дух» французов и сопротивление властям // История и историческая память. Вып. 22/23. Саратов, 2021. С. 121–135.
- Еремин В.С. Современная англоязычная историография оккупации Франции 1815–1818 гг. // Французский ежегодник. 2021: Эпидемии в истории Франции. М., 2021. С. 324–347.
- Кобылин И.И., Николаи Ф.В. Нужен ли историкам «поворот к аффекту»? // Диалог со временем. 2020. Вып. 72. С. 37–48.
- Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 226–241.
- Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012.
- Посконин В.С. Французская революция в учебниках школ Франции // Новая и новейшая история. 1989. № 3. С. 200–207.
- Промыслов Н.В. Французская пропаганда о России накануне и во время войны 1812 года // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Т. 4. Вып. 1 (17). URL: <https://history.jes.su/s207987840000003-2-5/> (дата обращения: 10.05.2022).
- Промыслов Н.В. Война 1812 года в письмах французских солдат // Французский ежегодник. 2006: Наполеон и его время. К 100-летию А.З. Манфреда (1906–1976). М., 2006. С. 219–231.
- Промыслов Н.В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М., 2016.
- Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.
- Таньшина Н.П. Наполеон Бонапарт: между историей и легендой. М., 2020.
- Таньшина Н.П. Русско-французский диалог в годы оккупации Франции союзными войсками. 1814–1818 гг. // Французский ежегодник. 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М. 2018. С. 218–239.
- Форрест А. За кромкой поля боя. Жизнь военных во времена Революционных и Наполеоновских войн. М., 2021.
- Чудинов А.В. Террор Французской революции на земле Египта 1798–1801 гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 3 (200). С. 27–42.
- Чудинов А.В. Французы в Египте 1798–1801 гг.: неудавшийся диалог цивилизаций // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 7 (105). URL: <https://history.jes.su/s207987840015129-0-1/> (дата обращения: 10.05.2022).
- Чудинов А.В. Наш добрый друг Алан Форрест (К 75-летию со дня рождения) // Французский ежегодник. 2021: Эпидемии в истории Франции. М., 2021. С. 429–439.
- Adadurov V. Kontakty mezhdru voennosluzhashchimi armii Napoleona i krest'yanami vo vremya russkoj kampanii [Contacts between soldiers of Napoleon's army and peasants during the Russian campaign] // Francuzskij

- ezhegodnik. 2018: Mezhhkul'turnye kontakty v period inostrannoï okkupacii [French Yearbook. 2018: Intercultural contacts during the period of foreign occupation]. Moskva, 2018. S. 141–164. (In Russ.)
- Bezotosnyj V.M.* Napoleonovskie plany. Proekt zavoevaniya Indii Napoleona Bonaparta [Napoleonic plans. The project of the conquest of India by Napoleon Bonaparte]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Bolt V.S.* Sposoby razresheniya konfliktov mezhdu francuzami i voennosluzhashchimi russkogo okkupacionnogo korpusa 1815–1818 gg. [Ways of resolving conflicts between the French and the servicemen of the Russian occupation corps of 1815–1818] // Frantsuzskij ezhegodnik. 2018: Mezhhkul'turnye kontakty v period inostrannoï okkupatsii [French Yearbook. 2018: Intercultural contacts during foreign occupation]. Moskva, 2018. S. 205–217. (In Russ.)
- Bovykin D.Y.* Francuzskaya revolyuciya XVIII v. v shkol'nyh uchebnikah Rossii [The French revolution of the 18th century in school textbooks of Russia] // Frantsuzskij ezhegodnik. 2014: Zhizn' dvora vo Francii ot Karla Velikogo do Lyudovika XIV [French Yearbook. 2014: The life of the court in France from Charlemagne to Louis XIV]. Moskva, 2014. S. 340–360. (In Russ.)
- Broers M.* Konceptiya “total'noj vojny” v period Francuzskoj revolyucii i Pervoj imperii [The concept of “total war” during the French Revolution and the First Empire] // Frantsuzskij ezhegodnik. 2021: Epidemii v istorii Francii [French Yearbook. 2021: Epidemics in the history of France]. Moskva, 2021. S. 213–226. (In Russ.)
- Chudinov A.V.* Francuzy v Egipte 1798–1801 gg.: neudavshijsya dialog civilizacij [The French in Egypt 1798–1801: the Failed Dialogue of Civilizations] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational magazine “History”]. 2021. T. 12. Vyp. 7 (105). URL: <https://history.jes.su/s207987840015129-0-1/> (access date: 10.05.2022). (In Russ.)
- Chudinov A.V.* Nash dobryj drug Alan Forrest (K 75-letiyu so dnya rozhdeniya) [Our good friend Alan Forrest (On the 75th anniversary of his birth)] // Frantsuzskij ezhegodnik. 2021: Epidemii v istorii Francii [French Yearbook. 2021: Epidemics in the history of France]. Moskva, 2021. S. 429–439. (In Russ.)
- Chudinov A.V.* Terror Francuzskoj revolyucii na zemle Egipta 1798–1801 gg. [The terror of the French Revolution in the land of Egypt 1798–1801] // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki [News of the Ural Federal University. Ser. 2. Humanities]. 2020. T. 22. № 3 (200). S. 27–42. (In Russ.)
- Eremín V.S.* Sovremennaya angloyazychnaya istoriografiya okkupacii Francii 1815–1818 gg. [Modern English – language historiography of the occupation of France 1815–1818] // Frantsuzskij ezhegodnik. 2021: Epidemii v istorii Francii [French Yearbook. 2021: Epidemics in the history of France]. Moskva, 2021. S. 324–347. (In Russ.)
- Forrest A.* Za kromkoj polya boya. Zhizn' voennykh vo vremena Revolyucionnykh i Napoleonovskikh vojn [Beyond the edge of the battlefield. Military life during the Revolutionary and Napoleonic Wars]. Moskva, 2021. (In Russ.)
- Gladyshev A.V.* 1814 god: “Varvary Severa” imeyut chest' privetstvovat' francuzov [1814: “The Barbarians of the North” have the honor to welcome the French]. Moskva, 2019.
- Gladyshev A.V.* 200-letnij yubiley sobytij Bol'shoj evropejskoj vojny 1812–1815 godov: Rossijskij variant [200th anniversary of the events of the Great European War of 1812–1815: Russian version] // Istoriya i istoricheskaya pamyat' [History and historical memory]. Vyp. 13–14. Saratov, 2016. S. 69–81. (In Russ.)
- Gladyshev A.V.* Antropologicheskij povорот v voennoï istorii [Anthropological turn in military history] // Dialog so vremenem [Dialogue with time]. 2017. T. 59. S. 136–150. (In Russ.)
- Gladyshev A.V.* Formirovanie istoricheskoy pamyati: shkol'nye uchebniki i Francuzskaya revolyuciya [Formation of historical memory: school textbooks and the French Revolution] // Istoriya i istoricheskaya pamyat' [History and historical memory]. Vyp. 2. Saratov, 2010. S. 30–60. (In Russ.)
- Gladyshev A.V.* Kak francuzskie royalisty-patrioty russkikh kazakov polyubili [How French royalist patriots fell in love with Russian Cossacks] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational magazine “History”]. 2020. T. 11. Vyp. 4 (90). URL: <https://history.jes.su/s207987840009213-3-1/> (access date: 10.05.2022). (In Russ.)
- Gladyshev A.V.* Kazaki vo Francii v 1814 g.: obraz i kollektivnaya pamyat' [“Kazaki” i antiruskaya napoleonovskaya propaganda v 1814 g.] // Ural'skij istoricheskij vestnik [Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2014. № 4 (45). S. 5–25. (In Russ.)
- Gladyshev A.V.* Konstruirovanie istoricheskoy pamyati i shkol'nye uchebniki (opyt Francii) [Constructing historical memory and school textbooks (French experience)] // Evropa [Europe]. 2010. Vyp. 9. S. 46–51. (In Russ.)
- Gladyshev A.V.* Konstruirovanie pamyati: možno li zabyt' Napoleona, no pomnit' o Monopotame [Constructing memory: is it possible to forget Napoleon, but remember the Monopotamus] // Istoriya i istoricheskaya pamyat' [History and historical memory]. Vyp. 3. Saratov, 2011. S. 37–57. (In Russ.)
- Gladyshev A.V.* Napoleonovskie vojny 1812–1815 gg.: sovremennyye kommemoracii francuzov [The Napoleonic Wars of 1812–1815: modern commemorations of the French] // Frantsuzskij ezhegodnik. 2016: Protestnye dvizheniya v epohu Francuzskoj revolyucii i Pervoj imperii [French Yearbook. 2016: Protest movements in the era of the French Revolution and the First Empire]. Moskva, 2016. S. 336–354. (In Russ.)
- Gladyshev A.V.* Obraz Rossii vo francuzskoj presse i pis'mah soldat napoleonovskoj Velikoj armii [The image of Russia in the French press and letters of soldiers of Napoleon's Great Army] // Novaya i novejschaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2019. T. 63. № 6. S. 199–201. (In Russ.)
- Gladyshev A.V.* Okkupaciya kak predmet voenno-antropologicheskikh issledovanij [Occupation as a subject of military anthropological research] // Frantsuzskij ezhegodnik. 2018: Mezhhkul'turnye kontakty v period inostrannoï okkupacii [French Yearbook. 2018: Intercultural contacts during the period of foreign occupation]. Moskva, 2018. C. 10–21. (In Russ.)

Gladyshev A.V. Pervaya vstrecha naseleniya Francii s “varvarami Severa”: 1814 g. [The first meeting of the population of France with the “barbarians of the North”: 1814] // *Francuzskij ezhegodnik*. 2018: Mezhhkul'turnye kontakty v period inostrannoï okkupacii [French Yearbook. 2018: Intercultural contacts during the period of foreign occupation]. Moskva, 2018. S. 182–204. (In Russ.)

Gladyshev A.V. Social'naya spravedlivost' kak marker “civilizovannosti”: ot istorii predstavlenij k informacionnym voynam [Social justice as a marker of “civility”: from the history of ideas to information wars] // *Istoriya i istoricheskaya pamyat'* [History and historical memory]. Vyp. 16. Saratov, 2018. S. 20–30. (In Russ.)

Gladyshev A.V. Strasti po Avenu: inostrannaya okkupaciya severo-vostochnoj Francii v 1814 g. [The Aven Passion: the foreign occupation of northeastern France in 1814] // *Francuzskij ezhegodnik*. 2020: Voyny i revolyucii v Novoe vremya [French Yearbook. 2020: Wars and Revolutions in Modern Times]. Moskva, 2020. S. 156–184. (In Russ.)

Gladyshev A.V. Vaterloo kak mesto pamyati: memorial'no-muzejnij landschaft i politika preodoleniya proshlogo [Waterloo as a place of memory: memorial and museum landscape and the policy of overcoming the past] // *Istoricheskaya pamyat' i kul'turnye simvoly nacional'noj identichnosti: mater. mezhdunar. nauch. konf. (Pyatigorsk, 18–20 oktyabrya 2017 g.)* [Historical memory and cultural symbols of national identity: materials of the international scientific conference (Pyatigorsk, October 18–20, 2017)]. Stavropol'; Pyatigorsk, 2017. S. 134–139. (In Russ.)

Gladyshev A.V. Velikie srazheniya v istoricheskoy pamyati ili Pochemu mashut kulakami posle draki [Great battles in historical memory or Why they wave their fists after a fight] // *Istoriya i istoricheskaya pamyat'* [History and historical memory]. Vyp. 18. Saratov, 2018. S. 167–182. (In Russ.)

Gladyshev A.V. Zakat imperii Napoleona: “obshchestvennyy duh” francuzov i soprotivlenie vlastyam [The decline of Napoleon's Empire: the “public spirit” of the French and resistance to the authorities] // *Istoriya i istoricheskaya pamyat'* [History and historical memory]. Vyp. 22/23. Saratov, 2021. S. 121–135. (In Russ.)

Kobylin I.I., Nikolai F.V. Nuzhen li istorikam “povorot k affektu”? [Do historians need a “turn to affect”?] // *Dialog so vremenem* [Dialogue with time]. 2020. Vyp. 72. S. 37–48. (In Russ.)

Kozellek R. Mozhem li my rasporyazhat'sya istoriej? [Can we dispose of history?] // *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes]. 2004. № 5. S. 226–241. (In Russ.)

Liven D. Rossiya protiv Napoleona: Bor'ba za Evropu, 1807–1814 [Russia against Napoleon: The Struggle for Europe, 1807–1814]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Poskonin V.S. Francuzskaya revolyuciya v uchebnikah shkol Francii [The French Revolution in textbooks of French schools] // *Novaya i novejšaya istoriya* [Modern and Contemporary History]. 1989. № 3. S. 200–207. (In Russ.)

Promyslov N.V. Francuzskaya propaganda o Rossii nakanune i vo vremya vojny 1812 goda [French propaganda about Russia on the eve and during the war of 1812] // *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istoriya”* [Electronic scientific and educational magazine “History”]. 2013. T. 4. Vyp. 1 (17). URL: <https://history.jes.su/s207987840000003-2-5/> (access date: 10.05.2022). (In Russ.)

Promyslov N.V. Francuzskoe obshchestvennoe mnenie o Rossii nakanune i vo vremya vojny 1812 goda [French public opinion about Russia on the eve and during the War of 1812]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Promyslov N.V. Vojna 1812 goda v pis'mah francuzskih soldat [The War of 1812 in the letters of French soldiers] // *Francuzskij ezhegodnik*. 2006: Napoleon i ego vremya. K 100-letiyu A.Z. Manfreda (1906–1976) [Francuzskij ezhegodnik. 2006: Napoleon and his time. To the 100th anniversary of A.Z. Manfred (1906–1976)]. Moskva, 2006. S. 219–231. (In Russ.)

Said E.V. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka [Orientalism. Western concepts of the East]. Sankt-Peterburg, 2006. (In Russ.)

Tanshina N.P. Napoleon Bonapart: mezhdru istoriej i legendoj [Napoleon Bonaparte: Between History and Legend]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Tanshina N.P. Russko-francuzskij dialog v gody okkupacii Francii soyuznymi vojskami. 1814–1818 gg. [Russian-French dialogue during the occupation of France by Allied troops. 1814–1818] // *Francuzskij ezhegodnik*. 2018: Mezhhkul'turnye kontakty v period inostrannoï okkupacii [French Yearbook. 2018: Intercultural contacts during the period of foreign occupation]. Moskva, 2018. S. 218–239.

Vulf L. Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta civilizacii v soznanii epohi Prosveshcheniya [Inventing Eastern Europe: A Map of Civilization in the Consciousness of the Enlightenment]. Moskva, 2003. (In Russ.)

Amalvi C. Répertoire des auteurs de manuels scolaires et de livres de vulgarisation historique de langue française: de 1660 à 1960. Paris, 2001.

Arrachés et déplacés: réfugiés politiques, prisonniers de guerre, déportés, 1789–1918 / eds N. Beaupré, K. Rance. Clermont-Ferrand, 2016.

Bainbridge S. Napoleon and English Romanticism. Cambridge, 1995.

Belissa M. La Russie mise en Lumières: Représentations et débats autour de la Russie dans la France du 18e siècle. Paris, 2010.

Bell D.A. The First Total War: Napoleon's Europe and the Birth of Warfare as We Know It. Boston, 2007.

Bertaud J.-P. Travaux récents sur l'armée de la Révolution et de l'Empire // *Bulletin de la Société d'histoire moderne et contemporaine*. 1986. № 3. P. 2–7.

Bertaud J.-P. Quand les enfants parlaient de gloire. Paris, 2006.

Blanton H.D. Conscription in France during the era of Napoleon // *Conscription in the Napoleonic Era* / eds D. Stoker, F.C. Schneid, H.D. Blanton. London, 2009.

Broers M. Napoleon, Charlemagne and Lotharingia: Acculturation and the Boundaries of Napoleonic Europe // *The Historical Journal*. 2011. № 44 (1). P. 135–154.

Calvet S. Les officiers charentais de Napoléon au dix-neuvième siècle. Paris, 2010.

- Casin R. Napoléon 1er: et les bicentennaires des grandes institutions de la République. Montsûrs, 2002.
- Casin R. Napoléon et les manuels d'histoire. Paris, 2008.
- Colley L. Captives: Britain, Empire and the World. 1600–1850. New York, 2002.
- Crépin A. Défendre la France. Les Français, la guerre et le service militaire de la Guerre de Sept Ans à Verdun. Rennes, 2005.
- Dwyer P.G. "It still makes me shudder": Memories of massacres and atrocities during the Revolutionary and Napoleonic Wars // War in History. 2009. T. 16. № 4. P. 381–405.
- Forrest A. Soldiers of the French Revolution. Durham, 1990.
- Forrest A. Napoleon's Men: The Soldiers of the Revolution and Empire. London; New York, 2002.
- Forrest A. Honourable Villains: Veterans of the Revolutionary and Napoleonic Wars // Mittelweg: Zeitschrift des Hamburger Instituts für Sozialforschung. 2015. № 36. P. 32–45.
- Forrest A. La représentation de la guerre et des armées de la Révolution dans les manuels scolaires français // Entre enseignement et recherche: L'histoire de la Révolution française / ed. A.M. Rao. Naples, 2015. P. 57–77.
- Forrest A. Waterloo: Great Battles. Oxford, 2015.
- Forrest A. Contrasting Memories: Remembering Waterloo in France and Britain // War, Demobilization and Memory: The Legacy of War in the Era of Atlantic Revolutions / eds A. Forrest, K. Hagemann, M. Rowe. Basingstoke, 2016. P. 353–368.
- Forrest A. Les partisans de la campagne de France: mythe ou réalité // 1814. La campagne de France. Troyes, 2016.
- Forrest A., Hagemann K., Rowe M. Introduction: War, Demobilization and Memory in the Era of Atlantic Revolutions // War, Demobilization and Memory: The Legacy of War in the Era of Atlantic Revolutions / eds A. Forrest, K. Hagemann, M. Rowe. Basingstoke, 2016. P. 3–29.
- Freyssinet-Domingon J. Les Manuels d'histoire de l'école libre, 1882–1959, de la loi Ferry à la loi Debré. Paris, 1969.
- Gender, War and Politics: Transatlantic Perspectives, 1775–1830 / eds K. Hagemann, G. Mettelle, J. Rendall. Springer, 2010.
- Gerbod P. La place de l'histoire dans l'enseignement secondaire de 1802 à 1880 // L'information historique. 1965. № 3. P. 125–130.
- Guimard J.-Y. L'invention de la guerre totale, XVIII–XX siècle. Paris, 2004.
- Hanley W. The genesis of Napoleonic propaganda, 1796 to 1799. New York, 2002.
- Hantraye J. Les prises d'armes de 1814–1815, signe et facteur de la politisation des ruraux // Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest. 2011. № 4. P. 47–61.
- Haynes C. The Allied Occupation of France, 1815–1818 // War, Demobilization and Memory: The Legacy of War in the Era of Atlantic Revolutions / eds A. Forrest, K. Hagemann, M. Rowe. Basingstoke, 2016. P. 51–67.
- Holtman R.B. Napoleonic propaganda. Baton Rouge, 1950.
- Humbert R. Il était un fois la Révolution les manuels scolaires rencontent: 1789–1799. Paris, 1989.
- La Révolution française expliquée aux petits Anglais: dans leurs manuels scolaires d'histoire. Epinal, 1989.
- Lecuir J. Manuels scolaires et mémoire historique: réflexion autour d'un sondage // Enseigner l'histoire: des manuels à la mémoire: travaux du Colloque Manuels d'histoire et mémoire collective, UER de didactique des disciplines, Université de Paris 7. Berne, 1984. P. 217–225.
- Leighton S.J. The Experience of Demobilization: War Veterans in the Central European Armies and Societies after 1815 // War, Demobilization and Memory. War, Culture and Society, 1750–1850 / eds A. Forrest, K. Hagemann, M. Rowe. London, 2016.
- Les manuels scolaires en France de 1789 à nos jours. 7, Bilan des études et recherches / eds A. Choppin, B. Pinède. Paris, 1995.
- L'Image de Robespierre dans les manuels scolaires d'Europe et du monde: Arras. 3 décembre 1989, colloque international. Lille, 1989.
- Manuels scolaires et Révolution française. Messidor; Paris, 1989.
- Manuels scolaires, Etats et sociétés: XIXe–XXe siècles / ed. A. Choppin. Paris, 1993.
- O'Rourke S. The Cossacks. Manchester, 2007.
- Ozouf J. L'Ecole, l'Eglise et la République: 1871–1914. Paris, 1963.
- Ozouf J. Nous, les maîtres d'école. Paris, 1967.
- Ozouf M. L'Ecole de la France, Essai sur la Révolution, l'utopie et sur l'enseignement. Paris, 1984.
- Petiteau N. Lendemain d'Empire: Les soldats de Napoléon dans la France du dix-neuvième siècle. Paris, 2003.
- Petiteau N. Les Français et l'Empire (1799–1815). Paris, 2008.
- Petiteau N. Survivors of War: French Soldiers and Veterans of the Napoleonic Armies // Soldiers, Citizens and Civilians: Experiences and Perceptions of the Revolutionary and Napoleonic Wars, 1790–1820 / eds A. Forrest, K. Hagemann, J. Rendall. Basingstoke, 2009. P. 43–58.
- Petiteau N. Guerriers du Premier Empire: expériences et mémoires. Paris, 2011.
- Plamper J. The History of Emotions: An Interview with William Reddy, Barbara Rosenwein, and Peter Stearns // History and Theory. 2010. № 49. P. 237–265.
- Reddy W. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions, Cambridge, 2001.
- Soldiers, Citizens and Civilians: Experiences and Perceptions of the Revolutionary and Napoleonic Wars, 1790–1820 / eds A. Forrest, K. Hagemann, J. Rendall. Basingstoke, 2009.
- War Memories: The Revolutionary and Napoleonic Wars in Modern European Culture / eds A. Forrest, E. François, K. Hagemann. Basingstoke, 2012.